
СПОР ВАГНЕРА И БЛАШЕ В СВЕТЕ РУССКОГО «ЛЮБОМУДРИЯ»*

А.В. Марцева

Кафедра истории философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена историко-философскому анализу двух небольших работ Д.В. Веневитинова. Формальная ошибка, возникшая в результате неверной расшифровки автографов, рассматривается автором как маркер проблемных мест рецепции текстов Веневитинова.

Ключевые слова: Веневитинов, русская философия, романтизм, натурфилософия, Вагнер, Блаше.

Формальным поводом, давшим легитимное основание для ревизии двух небольших набросков Д.В. Веневитинова «О математической философии. Перевод статьи И. Вагнера» и «Выписка из Блише», стала важная находка в автографах указанных работ. В результате короткого архивного «расследования» выяснилось, что в принятой расшифровке автографов есть серьезнейшая ошибка: вместо «*Блише*» необходимо поставить «*Блаше*». И можно было бы ограничиться простым указанием на наличие этой ошибки, если бы это недоразумение было следствием чьей-либо случайной невнимательности или неосведомленности. Однако ошибка здесь весьма симптоматична, поэтому задача статьи состоит именно в том, чтобы, во-первых, обнаружить закономерность закрепления этой ошибки в историко-философской рецепции наследия Веневитинова, а во-вторых, показать необходимость исправления не только и не столько транслитерации, сколько контекста и смысла этих работ.

Конкретный пример с неверной расшифровкой автографа Веневитинова интересен тем, что он наглядно демонстрирует самое слабое методологическое звено в реконструкции литературно-философских идей отечественных мыслителей первой трети XIX в. Это слабое звено — обращение к схематичным портретам и даже фантомным фигурам западноевропейской (преимущественно немецкой) философии как достоверным и безусловным истокам отечественной философской культуры.

Для начала нужно сказать несколько слов о первопричинах архивных поисков автографов и списков Веневитинова. Ведь принято считать, что ситуация с литературно-философским наследием одного из лидеров кружка Любоумудров вполне «благополучная», то есть оно описано, расшифровано и переиздано многократно. Можно даже сказать, что «веневитиноведение» имеет почти двухсотлетнюю историю. Соответственно, это исследовательское поле не предполагает никаких особенных сюрпризов или новостей в силу одновременного сочетания

* Данная работа была подготовлена в рамках инициативной темы № 100330-0-000.

двух факторов — весьма небольшого объема самого наследия и перманентной его рецепции со стороны отечественных интеллектуальных кругов второй половины XIX — начала XXI в.

Первое собрание сочинений вышло в свет вскоре после трагически ранней кончины Веневитинова благодаря усилиям его друзей (в 1829 г. — стихи, в 1831 г. — проза) [6; 7]. Естественно, что это первое издание, а также многочисленные статьи, воспоминания и т.п. этого периода не предполагали полноты и объективности, а выступали в качестве знака любви и памяти по отношению к безвременно ушедшему. Вопрос о реконструкции наследия Веневитинова, конечно, требовал временной дистанции и эмоциональной отстраненности, поэтому полные собрания сочинений Веневитинова начали появляться несколько позже, с середины XIX в. [4]. Объектом исторического исследования творческое наследие и биография Веневитинова становятся с 80-х гг. XIX в. [1; 10]. В итоге личность и творчество Веневитинова оказываются прочно зафиксированными в фокусе литературоведов, историков, культурологов, историков философии.

О причинах такой популярности написано достаточно; суммируя, можно сказать, что в жизни и творчестве Веневитинова удивительно свободно угадывается практически все, что угодно исследователю. Из наиболее экспрессивных интерпретаций: символ юной и многообещающей, но гибнущей русской культуры; жертва реакционного правительства; типичный представитель философского дилетантизма; триумф русского самобытного гения над туманностью шеллингианцев.

Если же отбросить экстремумы, то наибольшей симпатией пользуется интерпретация, согласно которой Веневитинов есть своеобразный ключ к пониманию имманентной взаимосвязи различных направлений русской мысли XIX в., а также ее пересечений с западноевропейской. Есть мотивы и более прагматические: наследие Веневитинова очень компактно по объему и обладает столь привлекательным свойством, как пресловутая фрагментарность, следовательно, реконструкция его идей, работа над созданием полного собрания сочинений представляется задачей гораздо более простой и выполнимой, чем, например, адекватная реконструкция идей и издание полного собрания сочинений другого лидера любомудров — В.Ф. Одоевского.

При попытке выделить из обширнейшего корпуса литературы, посвященной теме творчества Веневитинова, именно ту, которая относится к области историко-философских исследований, обнаруживается, что она составляет малую часть из всего написанного, что существенно упрощает историографический анализ. Наиболее глубокие историко-философские исследования на указанную тему, находясь в разных исследовательских и идеологических традициях, как, например, работы А. Койре [9] и З.А. Каменского [8], сходятся в понимании фундаментального значения основных теоретических источников философских идей Д.В. Веневитинова и его единомышленников-любомудров, так что можно утверждать, что обнаружение этих источников и анализ веневитиновской рецепции этих источников — главный ключ к философским компонентам его произведений.

Однако вопрос не так прост, каким кажется на первый взгляд. Если обратиться к теоретическим источникам идей самого Веневитинова, то «немецкий идеализм» единодушно признается в качестве главнейшего и самими любомудрами, и исследователями. Этот «немецкий идеализм» является весьма размытым понятием с большим количеством коннотаций; в рамках нашей темы он распадается как минимум на три не менее туманных понятия — «романтизм», «шеллингианство» и «окенианство».

Совершенно ясно, что атрибутировать Веневитинова как русского романтика, шеллингианца и окенианца — это почти то же самое, что назвать его образованным молодым дворянином, жившим в первой трети XIX в. Чтобы обрести вполне определенное значение, «немецкий идеализм» именно как теоретический источник философских воззрений Веневитинова должен быть условно разделен на две большие части: 1) те источники, которые связаны с именами отечественных реципиентов определенных идей Шеллинга, Окена и др. (в данном случае речь идет, например, о профессорах Д.М. Велланском, М.Г. Павлове, И.И. Давыдове, с которыми любомуры были лично знакомы); 2) те работы Шеллинга, Окена и их последователей, с которыми Веневитинов был непосредственно знаком.

Первая часть — вопрос о связи Веневитинова с отечественными реципиентами «немецкого идеализма» — исследована в основных своих направлениях: круг учителей, авторитетных для Веневитинова, известен благодаря его собственным свидетельствам, эпистолярному наследию, фактам его биографии, воспоминаниям друзей и т.п. Гораздо хуже дело обстоит с разработкой второй части, т.е. с установлением того факта, с какими именно работами Шеллинга, Окена или их немецких последователей, когда и в каком объеме был знаком Веневитинов. Многократное упоминание членами кружка имени Шеллинга как некой путеводной звезды совершенно не означает знакомство с его работами, это обстоятельство давно отмечено в литературе. С уверенностью можно утверждать, что Веневитинов читал (при этом неизвестно, целиком или фрагментарно) по крайней мере «Систему трансцендентального идеализма» Шеллинга; результатом этого прочтения стали два письма о философии к графине NN, написанные им в 1826 г., в которых есть содержательные параллели с работой Шеллинга, позволяющие говорить если не о прямом заимствовании, то о сознательном принятии идей Шеллинга.

Таким образом, на сегодняшний день проблема поиска конкретных теоретических источников философского творчества Веневитинова является наиболее актуальной. Среди немногочисленных философских произведений Веневитинова есть две чрезвычайно интересные работы, которые самым прямым образом обнаруживают эти источники, так как являются реферативным изложением журнальной полемики, развернувшейся на страницах влиятельного издания Лоренца Окена «Isis»; первая носит название «О математической философии», вторая — «Выписка из Блише».

Работы были опубликованы достаточно давно: статья «О математической философии», основанная не на автографе, а на списке из архива М.П. Погодина, вы-

шла в свет в 1934 г. в полном собрании сочинений Д.В. Веневитинова [5], а «Выписка из Блише» — значительно позже, в 1965 г. [11], и базировалась уже на автографе, обнаруженном Л. Тартаковской. Тартаковская справедливо отметила первичность автографа по отношению к списку; кроме того, в автографе перевод статьи Вагнера и краткий эскиз ответа его оппонента «Блише» представляют собой части одного целого, что позволило рассматривать их в диалогическом ключе, как «спор двух математиков». И расшифровка, и комментарий к указанным текстам с 1965 г. практически остаются неизменными, переходя из одной книги в другую.

Отличительной особенностью комментаторской стратегии с 1965 г. по настоящее время является полное отсутствие интереса к реальным прототипам этого спора, т.е. «Вагнеру» и «Блише». По мысли комментаторов, они суть только средства или «эмблемы» для выражения сокровенных идей самого Веневитинова, поэтому неудивительно, что участники спора были идентифицированы лишь частично.

Между тем сами тексты и история их возникновения, детально изложенная Веневитиновым в письмах своему другу А.И. Кошелеву (1), не позволяют расценивать их только как свободную фантазию романтика-любомудра. Известно, что летом 1825 г. Веневитинову на короткое время попал в руки журнал 1820 г. Лоренца Окена «Isis», «настоящее сокровище», которым он спешит поделиться со своим другом и единомышленником.

Подборка по меркам того времени действительно свежая, журнал весьма авторитетный, поэтому стремление Веневитинова извлечь максимальную пользу для себя и друзей естественно.

Из всего многообразия статей для конспективного перевода Веневитинов выбирает полемику между двумя авторами, посвященную вопросу о соотношении математики как универсальной науки и философии. Выбор именно этих статей обусловлен многими причинами: во-первых, интересом к математике Кошелева и Веневитинова; во-вторых, вопросом о целесообразности разработки универсального философского языка, который в разных вариантах рассматривался многими участниками кружка любомудров; в-третьих, Веневитинов в это время параллельно работает над переводом из «Теософии» Окена.

Таким образом, и внутренняя мотивация, и натурфилософская «эрудиция» Веневитинова были достаточными для того, чтобы эти два небольших текста — «О математической философии» и «Выписка из Блише» — могли быть включены на полном основании в небольшой корпус философского наследия Веневитинова, и, следовательно, поняты именно как философские работы, а не только литературно-переводческие эксперименты.

С историко-философской точки зрения одним из первых вопросов в отношении этих двух текстов должен стать вопрос об авторах переведенных текстов, то есть о «Вагнере» и «Блише». Из писем Веневитинова мы получаем о них некоторые сведения: Веневитинов именует их «математиками-идеалистами». Однако даже из текста веневитиновского переводного отрывка благодаря ссылкам на ра-

боту «Religion, Wissenschaft, Kunst und Staat in ihren gegenseitigen Verhältnissen betrachtet» («Религия, наука, искусство и государство в их взаимосвязи») можно без труда понять, что речь идет об Иоганне Якобе Вагнере (1775—1841), натур-философе, профессоре Вюрцбургского университета, авторе своеобразной философско-математической концепции, которую он последовательно развивал в своих работах, таких как «Mathematische Philosophie» (1811), «Der Staat» (1815) и др. Для Вагнера математика есть самая чистая наука, заключающая в себе органический закон универсума. Ссылка именно на «Religion, Wissenschaft, Kunst und Staat...» (1819) в полемике понятна, так как для Вагнера это был самый новый текст, в котором он экстраполирует свои философско-математические идеи на основные сферы человеческой культуры.

Справедливости ради надо отметить, что Вагнер был совершенно верно идентифицирован отечественными исследователями уже в самых первых комментариях к статье «О математической философии». Однако глубже формальной идентификации дело не продвинулось. Между тем вагнеровская концепция для Веневитинова представляет большой интерес, поскольку все без исключения любознательные столкнулись не только с проблемой дефицита идей, но и дефицита языковых средств. Очень ярко эта ситуация характеризуется замечанием Пушкина о том, что «метафизического языка у нас вовсе не существует».

Но Веневитинов ставил вопрос несколько иначе, поскольку язык философии для него не был только средством; по мысли Веневитинова, философия и язык соотносятся как сущность и форма, то есть выбор языковой стратегии не может мыслиться как результат произвольного выбора или конвенции.

Является ли математика наукой наук или ее сфера имеет иные границы? Для Веневитинова этот вопрос отнюдь не праздный. Как видно из его комментария к переводному отрывку, он не принимает аргументы Вагнера (по крайней мере, ту компиляцию идей, которую он рассматривает как аргументы): «Итак, в некотором смысле математика есть закон мира (организм абсолютный); но одна философия — наука сего абсолюта» [5. С. 258], — резюмирует Веневитинов.

Очевидно, что спор предполагает наличие как минимум двух оппонентов, поэтому логично, что второй участник дискуссии — некто «Блише» — также должен раскрыть свое инкогнито. В комментариях к веневитиновским наброскам любого года издания есть некоторая информация об этом ученом; например, можно найти годы его жизни и инициалы (и тут, как ни странно, сведения верны). Но если мы обратимся к истории западноевропейской культуры первой трети XIX в., то не увидим там ни одной персоналии с фамилией, предполагающей транслитерацию «Блише».

То есть тот самый «Б.Х. Блише», которого якобы цитирует и переводит Веневитинов, о котором пишут комментаторы, который фигурирует практически во всех, включая самые последние, изданиях сочинений романтика-любознателя, — несуществующий персонаж, мистификация? Этот вариант не так уж фантастичен, поскольку известно, что журнальные полемике, столь популярные в XIX в. в Западной Европе, а потом и в России, иногда были сфабрикованы самими из-

дателями. Кроме того, многие авторы для разных литературных ипостасей выбирали себе разные псевдонимы. Другими словами, под именем Б.Х. Блише мог скрываться кто угодно. Решение этой загадки оказалось не таким уж трудоемким. Обратившись к первоисточнику — полемике на страницах журнала «Isis» — мы практически сразу узнаем, что под именем «Блише» скрывается немецкий мыслитель и педагог Бернхард Хайнрих Блаше (1766—1832).

Для западноевропейских исследователей, в т. ч. немецкоязычных, Блаше также является фигурой малоизученной, а скорее — фрагментарно изученной. Это объясняется просто: Блаше проявил себя в разных сферах, поэтому реконструкция его наследия в идеале находится в междисциплинарной плоскости, а по факту оказывается разъятой между узкоспециальными исследованиями.

Для отечественной гуманитарной науки Блаше известен как педагог-филантропист, который дал теоретическое обоснование ручному труду как познавательной, а не только физической деятельности. Выдающийся вклад Блаше в развитие педагогики состоит еще и в том, что он впервые создал учебные пособия по ручному труду, например, учебник по картонажным работам «*Der Papparbeiter oder Anleitung in Papp zu arbeiten*» (1779).

Натурфилософские взгляды Блаше эволюционировали [15. S. 64—66]; первоначально его позиция формировалась под воздействием религиозно-философских идей Христиана Готтхильфа Зальцмана, возглавлявшего филантропин Шнепфеншталь, в котором и учительствовал Блаше. Поворотным пунктом в его биографии становится знакомство с натурфилософией Л. Окена, в результате которого Блаше оказывается не только в кругу единомышленников, но и в кругу постоянных авторов журнала «Isis»: с 1818 по 1832 г. из-под его пера выходят статьи, рецензии и обзоры.

Дискуссия, на которую обратил внимание Веневитинов, имела большой резонанс; начало ей было положено в статье Блаше «*Doch vielleicht Philosophie und nicht Mathematik*» («Скорее философия, чем математика») [12] в первом томе «Isis» за 1818 г., а окончание — в статьях 1821 г.

Как видно, для всех участников спор имел не только научную ценность, но и личную, поскольку для Вагнера отказ от своей позиции автоматически обесценивал важнейшие его труды, а для Блаше «капитуляция» философии перед лицом математики означала еще и крах его педагогической деятельности. Так что страстность и настойчивость Блаше, с которой он отстаивает первенство философии по отношению к математике, вполне закономерны.

Возвращаясь к переводным отрывкам Веневитинова, мы должны признать, что его рецепция спора является хоть и фрагментарной, но чрезвычайно активной; он не только переводит и реферирует, но и комментирует позиции Вагнера и Блаше, при этом солидаризируясь с выводами последнего. Нет ни малейших сомнений, что Веневитинов самостоятельно переводит отдельные выдержки из статей Вагнера и Блаше, а потому нет сомнений в том, что сам Веневитинов не мог перепутать, намеренно изменить или неправильно транслитерировать фамилии ученых.

Возникает вопрос: откуда же появился этот «Блише»? Решение этого затруднения, естественно, предполагает обращение к архивам Веневитинова и Погодина (2). Письмо Кошелеву, в котором шла речь о вышеуказанных переводах Веневитинова, а также первый вариант статьи «О математической философии» изданы по спискам из архива Погодина. В этих списках действительно «Блаше» исправлено на «Блише» (3). Списки сделаны рукой неустановленного лица, автор исправлений также неизвестен. Но вот в автографе, обнаруженном и расшифрованном Л. Тартаковской, рукой самого Веневитинова во всех случаях написано именно «Блаше».

Особенности почерка Веневитинова таковы (тем более, что мы имеем дело с черновым наброском), что прописная буква *a* остается у него открытой сверху, становясь почти копией буквы *u*, так что человек, не знакомый с существом вопроса, может легко запутаться, в каких случаях надо читать одну, а в каких другую букву. Принимая во внимание все эти обстоятельства, можно представить, каким образом Б.Х. Блаше стал известен историкам русской философии как «Блише»: для литературоведов и даже историков, которые в основном и занимались изданием сочинений Веневитинова, философские, а особенно натурфилософские, источники творчества Веневитинова не так уж важны, в то время как историки философии, которые могли бы дать более квалифицированное заключение по данному вопросу, работают зачастую уже с готовым, изданным и отформатированным материалом, воспринимая его как данность.

Из этой маленькой истории напрашиваются глобальные выводы. Во-первых, особенности развития отечественной культуры первой трети XIX в. предполагают междисциплинарный характер исследований этого исторического периода. При этом междисциплинарность должна не столько декларироваться, сколько фактически осуществляться. Так, например, ни в жанровом, ни даже в содержательном смысле наследие Веневитинова не может быть механически разделено на «литературную», «философскую», «научную» и т.п. составляющие, поэтому всякое серьезное издание его трудов должно предполагать активное взаимодействие исследователей разных сфер.

Во-вторых, особую актуальность приобретает вопрос об источниках творчества Веневитинова. Так, например, если еще несколько десятилетий назад сама возможность сравнительного анализа переводных отрывков Веневитинова и оригинальных статей Вагнера и Блаше была задачей как минимум очень трудоемкой, то теперь она требует гораздо меньших временных затрат благодаря широкой доступности источников. Но большие возможности предполагают и большие задачи, поэтому многие работы Веневитинова должны быть рассмотрены в новом контексте. О том, насколько сильно контекст трансформирует смысл веневитиновских работ, мы можем судить даже на примере разобранного выше спора Вагнера и Блаше.

До тех пор, пока наброски Веневитинова «О математической философии» и «Выписка из Блаше» существовали в отрыве от реальной журнальной полемики,

они с полным правом могли быть квалифицированы как случайная прихоть юного любомудра-романтика, очередное свидетельство его дилетантской рассредоточенности (4). Но при ближайшем рассмотрении становится видно, что выбор Веневитинова не случаен, а его философская (и даже натурфилософская) подготовка отличает его от многих современников именно как недилетанта. Ведь здесь надо учесть, что для неискушенного читателя Вагнер и Блаше — представители одной философской школы, а позиции, которые они так горячо отстаивают, с этой точки зрения — вообще нюансы. И, наконец, третий вывод, который можно сделать из этого маленького историко-философского «анекдота» — герменевтический. Историко-философское исследование, даже если его предметом является многократно реконструированный, растиражированный текст, никогда не должно рассматриваться как завершенное.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Подробно об этом см. в трех письмах Д.В. Веневитинова к А.И. Кошелеву (июль 1825 г.).
- (2) Список М.П. Погодина в НИОР РГБ: Ф. 231/1, (Погодина М.П.), к. 28, ед. хр. 2, л. 215. Автограф Д.В. Веневитинова в НИОР РГБ: Ф. 048, к. 55, ед. 61.
- (3) Важно отметить, что фамилия «Блише» встречается как в самих статьях «О математической философии» и «Выписка из Блише», так и в письме к А.И. Кошелеву.
- (4) Примерно в таком ракурсе представил уровень научных и издательских притязаний А. Койре. И в отношении большинства участников кружка его оценка вполне адекватна.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Барсуков Н.П. Жизнь и труды Михаила Петровича Погодина. Кн. 1, 2. Пб., 1889.
- [2] Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. М., 1980.
- [3] Веневитинов Д.В. и любомудры. М., 2010.
- [4] Веневитинов Д.В. Полное собрание сочинений, изданное под редакцией А.П. Пятковского: С прил. портр. авт., факс. и ст. о его жизни и сочинениях. СПб., 1862.
- [5] Веневитинов Д.В. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Academia, 1934.
- [6] Веневитинов Д.В. Сочинения. Ч. 1. Стихотворения. М., 1829.
- [7] Веневитинов Д.В. Сочинения. Ч. 2. Проза. М., 1831.
- [8] Каменский З.А. Московский кружок любомудров. М.: Наука, 1980.
- [9] Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX в. М., 2003.
- [10] Колюпанов Н.П. Биография Александра Ивановича Кошелева. Т. 1. Кн. 1, 2. М., 1889.
- [11] Тартаковская Л.А. Новое о Веневитинове // По страницам русской литературы. Ташкент, 1965.
- [12] Blasche V.H. Doch vielleicht Philosophie und nicht Mathematik // Isis. 1818. Bd. 1. S. 152—155.
- [13] Blasche V.H. Noch etwas über Philosophie und Mathematik, in ihrem gegenseitigen Verhältnisse. — Zur endlichen Verständigung mit Herr J. [J]. Wagner // Isis. 1820. Bd. 1. Heft 6. S. 310—314.
- [14] Blasche V.H. Zur Antwort auf J.J. Wagner Aufsatz: Die Verklärung der Wissenschaft // Isis. 1821. Bd. 1. Heft 4. S. 346—350.
- [15] Stiefel K. Bernhard Heinrich Blasche // Naturphilosophie nach Schelling. Shellingiana. Bd. 17. Stuttgart: Frommann-Holzboog, 2005.

WAGNER—BLASHE DISPUTE IN LIGHT OF RUSSIAN «LOVE OF WISDOM»

A.V. Martseva

Department of History of Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article covers the historical and philosophical analysis of two texts of D.V. Venevitinov. The formal mistake made as a result of wrong interpretation of an autograph is regarded by the author as a marker of perception problematic moments of Venevitinov's texts.

Key words: Venevitinov, Russian philosophy, romanticism, philosophy of nature, Wagner, Blasche.

REFERENCE

- [1] *Barsukov N.P.* Zhizn' i trudy Mihaila Petrovicha Pogodina. Kn. 1, 2. Pb., 1889.
- [2] *Venevitinov D.V.* Stihotvorenija. Proza. M., 1980.
- [3] *Venevitinov D.V.* i ljubomudry. M., 2010.
- [4] *Venevitinov D.V.* Polnoe sobranie sochinenij, izdannoe pod redakciej A.P. Pjatkovskogo: S pril. portr. avt., faks. i st. o ego zhizni i sochinenijah. SPb., 1862.
- [5] *Venevitinov D.V.* Polnoe sobranie sochinenij. M.; L., Academia, 1934.
- [6] *Venevitinov D.V.* Sochinenija. Ch. 1. Stihotvorenija. M., 1829.
- [7] *Venevitinov D.V.* Sochinenija. Ch. 2. Proza. M., 1831.
- [8] *Kamenskij Z.A.* Moskovskij kruzok ljubomudrov. M.: Nauka, 1980.
- [9] *Kojre A.* Filosofija i nacional'naja problema v Rossii nachala XIX. M., 2003.
- [10] *Koljupanov N.P.* Biografija Aleksandra Ivanovicha Kosheleva. T. 1. Kn. 1, 2. M., 1889.
- [11] *Tartakovskaja L.A.* Novoe o Venevitinove. *Po stranicam russkoj literatury.* Tashkent, 1965.
- [12] *Blasche B.H.* Doch vielleicht Philosophie und nichn Mathematik. *Isis.* 1818. Bd. 1. S. 152—155.
- [13] *Blasche B.H.* Noch etwas über Philosophie und Mathematik, in ihrem gegenseitigen Verhältnisse. — Zur endlichen Verständigung mit Herr J. [J]. Wagner. *Isis.* 1820. Bd. 1. Heft 6. S. 310—314.
- [14] *Blasche B.H.* Zur Antwort auf J.J. Wagner Aufsatz: Die Verklärung der Wissenschaft. *Isis.* 1821. Bd. 1. Heft 4. S. 346—350.
- [15] *Stiefel K.* Bernhard Heinrich Blasche. *Naturphilosophie nach Schelling. Shellingiana.* Bd. 17. Stuttgart: Frommann-Holzboog, 2005.